

На правах рукописи

Зонова Елена Владимировна

СЕМИОТИКА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

Специальность 09.00.01 - онтология и теория познания

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва - 2003

Работа выполнена на кафедре философии факультета социологии, экономики
и права Московского педагогического государственного университета

Научный руководитель:

доктор философских наук,
профессор ГРИФЦОВА Ирина Николаевна.

Официальные оппоненты:

доктор философских наук,
профессор ДРАГ АЛИНА - ЧЕРНАЯ Елена Григорьевна,

кандидат философских наук
МЕЛИКОВ Евгений Александрович.

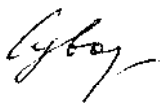
Ведущая организация - кафедра философии для гуманитарных факультетов
факультета государственного управления Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова

Защита состоится "15" января 2003 г. в 13 часов на
заседании диссертационного совета К 212.154.02 при Московском
педагогическом государственном университете по адресу: 117571, г. Москва,
пр-т. Вернадского, д. 88, ауд. 818.

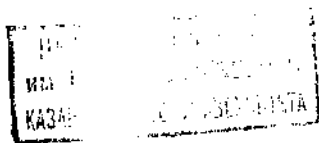
С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МПГУ по адресу: 119882,
г. Москва, ул. М. Пироговская, д. 1.

Автореферат разослан "14" января 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Суворова О.С.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Вероятно, духовная жизнь европейского общества никогда не была столь насыщенной и противоречивой, как в первые десятилетия XX века. Можно говорить об "отречении от престола" некой традиции, принижающей все слои человеческой культуры до конца XIX в. Предыдущие столетия не знали не беспредметной живописи, ни атональной музыки, ни бессюжетной литературы. Нетрадиционализм проникает повсюду: в философии он выразился, в частности, в предельно обостренном интересе к языку. Многогранность языка не могла не обусловить вариативность подходов к его исследованию. Даже избирательное перечисление таких имен, как Л. Витгенштейн, Р. Карнап, Р. Барт, Э. Сепир, М. Фуко, Ж. Деррида, М. Мерло-Понти показывает, что почти каждый западноевропейский мыслитель прошлого столетия так или иначе обратился к проблематике языка.

Из всего многообразия языковых проблем одной из самых актуальных является проблема значения. На вопрос, что такое значение, можно сразу дать приблизительный ответ, сказав, что значение – это то, о чем сообщает знак. Такое определение значения приемлемо при условии, что нам известно, что такое знак, т.е. определение значения предполагает наличие определения языкового знака. Исследование свойств объектов выполнять функцию знаков, создание общей теории знаков во всех их проявлениях является задачей семиотики, представляющей собой синтез философских, лингвистических и культурологических идей. Актуальность исследования обусловлена междисциплинарным характером семиотики, отражающим усиление интегративных процессов в научном знании.

Семиотика как наука имеет относительно юный возраст. Ее рождение можно датировать началом прошлого столетия, когда увидели свет работы Ч. Пирса, Ч. Морриса и Ф. Соссюра. На взгляд автора, семиотику следует рассматривать как вариант философии языка. Термин "философия языка" в диссертации употребляется синонимично слову "парадигма", обозначая не некоторое течение в философии, а совокупность взглядов на язык. Актуальность исследования семиотических концепций обусловлена особым статусом языка в контексте гуманитарного знания. Одновременно с ростом интереса к языку возрастает потребность в систематизации методологических подходов и осмысления той мозаичности взглядов на язык, которая с трудом поддается реконструкции и описанию. Едва оформившись как научная дисциплина, семиотика очень быстро распалась на множество частных семиотик, в которых ее философское наполнение отошло на второй план. Специфика семиотики проявляется и в ее двойственности: она занимает промежуточное место между гуманитарными и естественными науками.

Степень разработанности проблемы. Сведение исследовательской работы преимущественно к анализу западноевропейской семиотической мысли объясняется своеобразием, сложившимся в отечественной философии языка. С

одной стороны, имеется немало работ, в которых достаточно пристально рассмотрены проблемы семиотики (Р.Г. Авоян, Е.Р. Атаян, А.А. Брудный, И.С. Нарский, Г.Г. Почепцов, Ю.М. Лотман), существует оригинальная отечественная традиция лингвистической семиотики (Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, В.Г. Гак, Ю.С. Степанов). Отдельно следует упомянуть и московско-тартускую семиотическую школу, успешно применившую принципы теоретической семиотики к анализу самых разнообразных знаковых систем, в том-числе, художественных текстов, игнорируемых западной традицией.

Своеобразный образ языка возникает в религиозно-философской концепции школы всеединства, представленной именами П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, А.Ф. Лосева. Оригинальный ракурс анализа языка задан в работах М.М. Бахтина, где основной акцент сделан на изучение понимания речевого сообщения как постижения отношения "Я" к "Не-Я".

С другой стороны, обращение к отечественной литературе по гносеологии и философской антропологии показывает, что язык в ней является, скорее, темой чем предметом. Исключения составляют работа А.Н. Портнова «Язык и соознание: основные парадигмы исследования в философии XIX-XX вв. (Иваново, 1984) и представляющая интерес в плане определения места языка в познании монография Л.А. Микешиной «Философия познания. Полемические главы» (М, 2002), в которой имеется целый раздел «Язык в философии познания: как «опыт мира» и «горизонт онтологии». Специфика отечественных собственно семиотических исследований определена еще и тем, что ими занимались либо логики, либо лингвисты, разрабатывая проблематику не общей, а специальной семиотики, чем и объясняется немногочисленность методологических и философских работ по языковой проблематике. Что касается панорамы западноевропейской лингвофилософской мысли, то она представлена множеством направлений и еще большим количеством имен.

Можно утверждать, что в рамках философского дискурса сосуществует несколько концепций языка: язык как средство анализа границ осмысленного и бессмысленного в аналитической философии (Л.Витгенштейн, Р.Карнап), онтологизированный образ языка как "дома бытия" у М. Хайдеггера, язык и "понимающее сознание" в герменевтической традиции, язык как основной фактор становления интересубъективности сознания (К.-О. Апель, Ю. Хабермас). Очевидно, что спектр анализа природы языка в контексте философии весьма широк.

Следует отметить то обстоятельство, что к середине XX в. психологические и социологические концепции языка в определенной степени повлияли на ход философского исследования языка. Происходит заметное сближение философии и лингвистики в сфере изучения языка, о чем свидетельствует появление работ в духе теории речевых актов Дж.Остина. Многоликость образов философии языка приводит к необходимости ограничивать круг проблем и останавливаться на тех идеях, которые оказали, на мой взгляд, наиболее значительное влияние на развитие и формирование семиотики как науки. Выбор материала был мотивирован и тем фактом, что к

концу XX в. антропоцентризм как особый принцип исследования оказал влияние на траекторию семиотической мысли: диада "язык и человек" оказалась в центре интересов науки о знаковых системах, которые рассматриваются теперь как кристаллизация практического опыта, накопленного в рамках исторически сложившейся общности.

Цель и задачи исследования. Целью работы является обоснование статуса семиотики как одного из подходов в философии языка, в связи с чем реконструируются некоторые семиотические концепции, исследуются их философские составляющие.

Реализация поставленной цели потребовала решения следующих задач:

- на основе историко-философского исследования обосновать наличие у семиотики гносеологического статуса;
- проанализировать использование семиотических категорий в анализе такой философской проблемы, как проблема природы значения;
- выявить философский контекст ведущих тенденций развития семиотической проблематики с целью определения основных трактовок знака и значения; раскрыть перспективы развития семиотики как междисциплинарного знания, включающего философский, культурологический и лингвистический аспект;
- произвести философско-методологический анализ работ Ч.С.Пирса, Ч.Морриса как имеющих принципиальное значение для развития семиотики;
- обосновать применение теории элементарных смыслов А.Вежбицкой в гуманитарных, в частности, филологических, исследованиях на примере анализа количественной лексики французского и русского языков.

Методологическая база и источники исследования. Для методологии проведенного исследования существенным оказались культурно-исторический и системный подход, предполагающий рассмотрение семиотических проблем в философском, историческом и культурном контекстах. Теоретической основой исследования послужили идеи и концептуальные положения отечественных исследователей по общеполитическим проблемам: Н.С. Автономовой, П.П. Гайденко, Л.А. Микешин; частнополитические филологические концепции А.А. Потебни, Ю.М. Лотмана, Р.О. Якобсона, а также фундаментальные теоретико-методологические концепции таких зарубежных исследователей, как К.-О. Апель, Р.Рорти, М. Фуко и др.

Новизна диссертации определена тем, что в отечественной философской литературе оно является одним из немногих исследований, посвященных определению истоков и динамики развития семиотической проблематики, созданию целостного образа семиотики как варианта философии языка. Научную новизну характеризуют следующие положения:

- обосновано положение, что семиотика по своему гносеологическому статусу является одним из направлений философии языка; показано, что одной из центральных задач семиотики является создание метаязыка, языка интегративной науки, основанного на универсальных свойствах знаковых моделей (систем);

- выявлена эвристическая ценность изучения природы значения для анализа механизмов понимания, показано присутствие в механизме понимания значения слова элементов "неявного знания" носителей языка;

- показана зависимость интерпретации проблемы значения от философского и культурно-исторического контекста, влияющим, в свою очередь, на трактовку языка;

- осуществлен философско-методологический анализ работ Ч.С.Пирса и Ч.Морриса. Показано, что создание Пирсом и Моррисом формального аппарата семиотики, пригодного для исследования коммуникации и психики живых существ, выявление свойств знаков и структуры мысли, скрытой за внешней формой позволило рассматривать семиотику как науку;

- обосновано применение теории элементарных смыслов А.Вежицкой в гуманитарных, в частности, филологических, исследованиях на примере анализа количественной лексики французского и русского языков; продемонстрировано существование определенных когнитивных сценариев в создании номинаций у носителя определенного языка.

Практическая значимость диссертации связана с тем, что предлагаемые в диссертации материалы могут найти применение в процессе преподавания курсов философии языка, истории философии и компаративной лингвистики.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования получили отражение в публикациях автора. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры философии Московского педагогического государственного университета и была рекомендована к защите.

Структура диссертации определяется целью и задачами, поставленными перед исследованием. Работа состоит из Введения, трех глав, Заключения и списка литературы.

Основное содержание работы

Во Введении обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень ее разработанности в научной литературе, формулируются цели и задачи исследования.

В первой главе диссертации "Становление семиотических идей в контексте философии" выявляются истоки и прослеживается динамика становления философского интереса к языку, демонстрируется зависимость интерпретации языковых феноменов от стиля философского мышления, характерного для определенного временного периода. Показывается, что проблема соотношения означающего и означаемого относится к сфере гносеологических проблем.

В параграфе "Концепция языка-номенклатуры: Платон и Аристотель" определяются идейные истоки формирования философской трактовки языка как перечня элементов, каждый из которых имеет соотносительность с реально существующими объектами. Возникновение взгляда на язык как на перечень элементов связывается с именами Платона и

Аристотеля. Показано, что проблема функционирования и природы языка оказывается у указанных мыслителей "погруженной в онтологию". Философия языка Платона рождена его убеждением в том, что чувственно воспринимаемый мир (к нему относится и язык) является отдаленным подобием истинно сущего, умопостигаемого мира идей. Отношение между явлением и идеей есть подражание, соотношение между предметом и его наименованием и соотношение между идеей и явлением чувственного мира сходны. Имя связано с сущностью предмета, с его идеей, и, говоря о соотношении между предметом и его наименованием, Платон имеет в виду соотношение между идеей и явлением чувственного мира.

Проявление Платоном интереса к установлению этимологии "позднейших" слов и поиск первооснов лексических единиц представляется автору проявлением влияния более общей античной тенденции поиска первоначал всего сущего. Указана важность роли, отводимой Платоном адекватности номинаций: насколько верно постигает человек вещь, настолько верно он дает ей имя. Уже "первичные слова" обладают различной степенью соответствия предмету, т.е. с момента своего возникновения они не имеют полного соответствия с предметом. Таким образом, утверждается мысль о наличии некоторой связи между словом и предметом, и об отсутствии полного совпадения между предметом и его названием. Эта мысль находится в прямой связи со всей онтологией Платона, для которого есть принципиальное различие между сущностью и явлением, между вещью и ее наименованием. Функция указания языка на бытие имеет характер подражания.

Далее в диссертации анализируется концепция Аристотеля, имеющая некоторые общие точки соприкосновения со взглядами Платона. Автор показывает, что и для Платона, и для Аристотеля изучение языка не было самоцелью, оно используется лишь как средство избежания ошибок в научных рассуждениях. Аристотель осознает, что для подлинного осмысления сущности явлений необходимо мыслить строго и дисциплинированно, владеть орудием научного мышления - логикой, а поскольку мысль неизбежно облекается в словесную форму, надо умело пользоваться средствами языка. Если логика выступает у Стагирита в качестве пропедевтики к "первой философии", то с известным правом можно сказать, что изучение языковых феноменов служит для Аристотеля пропедевтикой к логике.

Подчеркивается, что в рамках анализируемой теории уже затрагивается проблема соотношения сознания и языка, т.к. слово не просто копирует вещь, а призвано выразить идею вещи, т.е. слово причастно мышлению и существует как его результат. Идея вещи, понятая как смысл вещи, открывает новые пути к толкованию истины, ибо истина состоит не в том, чтобы понимать значение отдельных слов, а в том, чтобы понимать цельное мнение о вещах. Подчеркивается, что отход Аристотеля от взгляда на имя как на качество, объективно присущее вещи, стимулировало осознание греческой культурой различия между уровнем вещей, природы и уровнем слов, языка. Утверждение "в именах нет ничего от природы" означает, что слово не может в большей или

меньшей степени соответствовать своему денотату, оно не может быть менее или более истинным или ложным. Слово нейтрально, ложь или истина возникают лишь тогда, когда слова соединяются между собой.

Показано, что Аристотель, как и Платон, придерживается убеждения о различии языков между собой лишь звучанием слов, языковая семантическая структура везде одинакова, в целом она точно соответствует объективной действительности и нашему о ней представлению. Исходя из этого положения, каждая манифестация языка мыслится как свидетельство о возможности установления необратимых связей между двумя сущностями: словом и психической или онтологической данностью. Восприятие языка как репертуара образов, достоверно отражающих реальность, низводит различия между языками к различию звуков, используемых для обозначения одних и тех же идей. По мнению автора, концепция Платона и Аристотеля, постулирующая инструментальную функцию сообщения и обозначения как основную для языка, оказала противоположное влияние на развитие учений о языке. С одной стороны, она послужила основанием рационального толкования знания. С другой, неизменность традиции аристотелизма привела к тому, что феномен языка долгое время редуцировался к конвенционально обусловленным "различиям звуков и знаков".

В параграфе "Логико-грамматический подход к проблеме знака: Пор-Рояль" анализируется процесс кристаллизации понятия знака в рамках логико-грамматического подхода. Отмечается, что хотя в некотором отношении теория "господ из Пор-Рояля" продолжает оставаться связанной некой идейной пуповиной с предшествующим Новому времени периодом, ее авторам впервые удалось частично преодолеть плен схоластико-аристотелевской концепции. Грамматика Пор-Рояля продолжает традицию отождествления логики с языком и концептуально представляет собой логическую грамматику. Показано, что в общефилософском плане она примыкает к аристотелизму, согласно положениям которого слова являются условными знаками общих для всех людей мыслей. Произнесенные слова разум наделяет функцией прямого представления этих понятий и опосредованного представления соответствующих вещей. Следуя, с одной стороны, учению Аристотеля, а с другой - рационализму Р.Декарта, отвечая его методическому требованию строить рациональные гипотезы об объектах науки, теория Пор-Рояля продолжает традицию слияния теории знаков с теорией мышления и сознания, стремится дать рациональные объяснения языковых явлений через категории мышления, что вполне согласуется с картезианским требованиям ясности и отчетливости знания.

Автором показано, что, следуя методологии Пор-Рояля, семантический анализ слов следует начинать с изучения мыслительной деятельности. Осознание того, что операции рассудка постижимы и выразимы только через язык и на языке, приводит авторов из Пор-Рояля к анализу языка как средства анализа мысли. Суждение рассматривается как основная форма мысли; в настоящий момент вопрос о сущности суждения остается одним из самых

спорных вопросов логики; логический анализ "предложения вообще", как и в теории Пор-Рояля, ограничивается "суждениями", т.е. ментальными актами принятия предложений, которые содержат признаки, дополнительные по отношению к "предложениям вообще". Таким образом, предложение продолжает рассматриваться как нечто, с чем можно было бы согласиться или что можно было бы утверждать. В этом случае некоторые, например, перформативные предложения вроде "Я объявляю войну", не могут претендовать на статус полноценного предложения.

С собственно языковой деятельностью авторы из Пор-Рояля связывают созерцание и образование понятий. Можно утверждать, что авторы "Грамматики" расширили предметное поле исследования, внося новый момент в унаследованную от Аристотеля парадигму: впервые проблема соотношения языка и мышления получила широкое освещение. Согласно концепции Пор-Рояля, мышление неотделимо от языка вследствие того, что сообщать свои мысли другим можно только с помощью внешних знаков. Выделяя знаки-показатели (дыхание живого существа - достоверный знак жизни), знаки, связанные с вещами (выражение лица - отражение душевных переживаний) и знаки по учреждению и установлению, для которых нет необходимости иметь сходство с обозначаемой вещью (слова языка, "учрежденные знаки мыслей"), авторы Пор-Рояля в определенной степени приближаются к классификацией знаков Пирса и Морриса. Знаки-показатели почти эквивалентны индексам, не имеющим свойства характеризовать свой денотат и утрачивающим собственное значение при удалении объекта, на который они указывают. Вторую группу знаков можно с некоторым допущением соотнести с иконическими знаками, предполагающими наличие общего элемента у означаемого и означающего. И, наконец, "учрежденные знаки мыслей", имеющие чисто условную связь с объектом, могут быть соотнесены с разновидностью символов. Идея о гибкости и релятивности соотношения индексальности и иконичности, постулируемая Ч. Пирсом, проводится и у создателей теории Пор-Рояля: в зависимости от обстоятельств, возможна более глубокая или поверхностная интерпретация, переход одного вида знака в другой. Важным моментом здесь является так же и то, что хотя в центре "семиотики" Арно и Николь стоит естественный язык, за любым предметом, включенным в определенные отношения, признается наличие десигнативной функции, т.е. всякое использование чего-либо становится знаком этого использования.

Вместе с тем, автором отмечается некоторая противоречивость в трактовке соотношения языка и мышления создателями теории Пор-Рояля, которые как будто допускают возможность существования мышления без опоры на язык. Такое допущение проистекает из того, что сами идеи, согласно рационалистическим представлениям, формируются без помощи языка, без опоры на чувственные знаки. На первый план выходит инструментальная функция языковых знаков, необходимых человеку для обозначения и выражения готовых мыслей, для их передачи и постижения в процессе

общения, но отнюдь не для их создания, т.е. связь языка и мышления обусловлена лишь социальными мотивами.

Эти соображения имеют значение и для семантики в техническом смысле слова, т.е. для метода семантического анализа. При описании значения формы семантический анализ Пор-Рояля исходит из вещи или понятия, которые предположительно обозначаются этой формой, а не из употребления слов. Такой анализ не может быть точным, т.к. само употребление формы является компонентом создания вещи или понятия как отдельной единицы. Показывается, что семантический анализ, идущий от вещи к знаку, является прямым наследием аристотелевской концепции языка-номенклатуры. Тот факт, что эти воззрения на семантику слова не претерпели больших изменений со времен Пор-Роля, войдя с XVII в. в обобщающие философские труды и обретя статус научности, рассматривается автором как проявление онтологического подхода к языку, в рамках которого язык понимается как нечто вторичное, имеющее ценность лишь в своей соотнесенности с бытием.

В параграфе "Семантическое моделирование: Лейбниц и Кондильяк" показано, что интерес к языку в Новое время связан с типом рациональности, соответствующим науке XVII-XIX вв., который ориентируется на знание о мире как универсальном естественном порядке. Разработка метода научного познания, предполагающего широкое использование знаков, повлекла за собой рождение нового направления в исследовании языка - языкового моделирования, где знаки понимаются как элементы структуры знания и как средство мыслительной деятельности. Отмечается, что основной принцип языкового моделирования тесно связан с гносеологией Нового времени, допускающей, что порядок и связь идей в разуме те же, что порядок и связь вещей в чувственном мире. Опора на математическую модель познания приводит к тому, что язык исследуется преимущественно со стороны его логической структуры. Этим автор объясняет появление утопии построения абсолютно прозрачного языка, в котором все вещи именовались бы самым четким образом. В то же время, даже глобальность интереса к указанным явлениям, принятие одних и тех же методологических установок, не всегда позволяет говорить о том, что подходы к одной и той же проблеме были идентичны. В случае изучения работ Кондильяка и Лейбница означенная проблема - создание универсального языка - представляется увиденной с разных ракурсов. Кондильяк еще сохраняет верность концепции языка как номенклатуры и пытается искать в формальной системе языка слепок с логики, внешней и первичной по отношению к языку.

По мнению автора, по настоящему новым и радикально оригинальным явлением в исследовании языка становится семиотическая концепция Лейбница. Глубокое осознание могущества слова подвигло Лейбница на составление проекта системы символов как средства выражения новых физических и естественных наук, которое заменило бы исторические языки. Показано, что стремление Лейбница создать рациональный язык обусловлено осознанием семантико-синтаксического разнообразия естественных языков, в

связи с чем они не могут быть пригодны для выражения научных понятий. Применение рациональной знаковой системы призвано, выражаясь современным языком, способствовать достижению интерсубъективного согласия внутри хотя бы ограниченного коммуникативного сообщества, т.е. людей науки; оно, по мнению Лейбница, позволяет приходить к открытию истины, поскольку "она следует из данных", а если упорядочены данные, упорядочены и искомые. Создание словаря рационального языка является, по мнению автора, самой интересной частью программы Лейбница. Осуществление такого замысла предполагает определение только основополагающих понятий "умственного словаря". Показано, что Лейбниц утверждает новый взгляд на реализацию общего и частного в языке: между гипотетическим разумом, "умственным словарем", состоящим из определенных субстанциональных единств идей, и использованием языка индивидами, находится некий "концептуальный пласт", вобравший семантико-синтаксические особенности языков отдельных народов.

Анализируя работы Кондильяка и Лейбница, автор стремится показать, что в Новое время язык "завязал с бытием новые связи": акценты сместились с изучения отношений "язык-вещь" на "язык-мышление-познание". Семиотические работы Лейбница и Кондильяка уже выполнены в русле новых идей, знак и вещь лишаются непосредственного сходства и соотносятся лишь опосредованно - через мышление. Язык теряет сходство с миром вещей, но обретает право представлять и анализировать мышление.

Вторая глава "Ч.С. Пирс и Ч. Моррис: у истоков современной семиотики" посвящена анализу работ Ч. С. Пирса и Ч. В. Морриса, чьи идеи вошли в качестве неотъемлемой части в общую семиотику и в ее различные прикладные направления. Автор подчеркивает, что появление теоретических работ по проблематике знака было обусловлено общекультурным контекстом начала XX в.: насущные потребности философии, лингвистики, искусствознания и других наук, имеющих дело со знаковым материалом, стимулировали поиски такой семиотической теории, которая могла бы быть применима к большому классу семиотических явлений и выступала бы в качестве метаязыка. В диссертации показано, что теоретическая реконструкция семиотических взглядов Пирса и Морриса позволяет увидеть, что, работая с одним и тем же материалом, в данном случае — с материалом языковым, из всего безграничного семиотического целого исследователь останавливается на определенных моментах, которые отрывают определенные сущностные стороны семиотических механизмов.

Первый параграф "Ч.С. Пирс и создание "алфавита" современной семиотики" посвящен выявлению основных моментов в семиотической теории Ч.Пирса. Автор отмечает то обстоятельство, что высказывания и разработки Пирса в области теории знака не образуют стройной системы, поэтому в определенной степени можно согласиться с распространенным утверждением, что существует столько вариантов интерпретации трудов Пирса, сколько существует исследователей его наследия. В диссертации

основной акцент сделан на интерпретацию Пирсом отношений означаемого и означающего, взаимосвязи общего и частного в употреблении знака.

Выявлено, что Пирс, максимально широко рассматривая семиотическую проблематику, не ставит в центр своей семиотики только естественный язык, четко осознавая, что любой предмет, будучи включен в определенные отношения, может выступать как знак. Определение знака, предложенное Пирсом, можно назвать классическим: "Знак или репрезентант есть нечто, что стоит для кого-то другого вместо чего-то иного в некотором отношении или качестве. Он обращен к кому-то, то есть порождает в сознании этого лица эквивалентный знак или более развитый знак. Знак, который он порождает, я называю интерпретантом первого знака. Знак стоит вместо объекта не в любом отношении, а в отношении некоторой идеи" [Peirce Ch., 1960, p. 228] (см. и цит. [Портнов 1994]). Для Пирса знак замещает некий объект, но этот последний познается только в процессе порождения знака через актуализацию "непосредственного объекта", т.е. образа внешнего объекта, с одной стороны, детерминирующего свойства объекта, которые входят в значение, а с другой - репрезентирующего их. В сознании человека возникает новый знак, названный Пирсом интерпретантом, она же представляет собой и репрезентацию. Таким образом, процесс истолкования и понимания знака может быть бесконечно. Сама идея бесконечной интерпретации знака представляется автору достаточно эвристичной: результатом такой интерпретации может стать и новый знак, и чувственный образ. Этот процесс отображения одних структур в других имеет общие точки соприкосновения с современной психолингвистической теорией, согласно которой каждый вещный знак, а тем более знак словесный, имеет эквивалент в виде "глубинных структур", т.е. чувственно-образных конструкций различной степени абстрактности, которые, возможно, интерпретируются в еще более абстрактных ментальных структурах.

Далее в диссертации рассматриваются три взаимосвязанные классификации знаков, каждая из которых включает по три компонента. Наличие трех типов распределения репрезентантов (знаков) объясняется, с одной стороны, тем, что любая знаковая ситуация предполагает наличие знака, его отношения к объекту и отношение знака к интерпретанту, а с другой, отражает последовательное продвижение от анализа слова к анализу предложения. Наиболее подробно автор останавливается на второй трихотомии знаков, базирующейся на анализе отношений знак/объект. Эта классификация подразделяет знаки на индексальные, иконические и символические.

Показано, что индексы Пирс рассматривает как наиболее элементарные знаки: при интерпретации индекса сознанию достаточно установить физическую соотнесенность между предметом и знаком. Допустимо, что индексы являются первой ступенькой при формировании у ребенка механизма овладения языком. Как показали исследования Пиаже, на том уровне развития ребенка, когда еще нет ни мышления, ни языка, сенсомоторный интеллект уже содержит некую логику, названную Пиаже "логика действий". Основным

феноменом этой логики является ассимиляция — интеграция новых объектов или событий в предшествующие схемы. Ребенок видит, ощущает присутствие матери, на этом уровне восприятия то, что видит ребенок, является индексом, означаемое которого — цвет одежды ли другой подобный признак, а означаемое — удовлетворение насущных потребностей (кормление, ласка) или ожидание проявления каких-то конкретных явлений, удерживаемых в памяти благодаря индексу.

Далее анализируется иконический знак — это знак, обладающий общим качеством со своим объектом. Отношения между знаком и объектом должны быть отношениями подобия или сходства. Иконические знаки неоднородны, поэтому Пирс разделяет их на подклассы, выделяя в том числе и метафору как специфический вид иконического знака. По мнению автора, выделение Пирсом метафоры в отдельную группу представляет интерес как с философской точки зрения, так и с точки зрения лингвистической семантики: актуальным является вопрос о соотношении "самодостаточности" метафоры, рассматриваемой как средство познания, и о замене метафорического языка не абстрактные (неметафорические) толкования, применяемые при разъяснении значения. Эти толкования призваны не оттеснить метафору на задний план, а помочь в ее интерпретации, занимая по отношению к ней то место, которое занимает критика по отношению к литературе.

Иконический знак рассматривается Пирсом как первичный по отношению к прочим знакам, так как он обладает всеми характеристиками знака *par excellence*. Он настаивает на том, что необходимо заменить иконическим знаком некий условный знак какого-либо объекта, чтобы извлечь истинный смысл из этого объекта. Другими словами, перевод условного знака в иконический приводит к включению знака в более сложную систему и, как следствие, — к приросту информации. Пирс даже выдвигает тезис о том, что иконический характер присущ большинству знаков, так как все наши рассуждения обретают формулировку при помощи иконических знаков. Объясняется это тем, что иконический знак как бы накладывается на свой объект, становится его непосредственным образом, "отпечатком" и до известной степени совпадает с ним.

Третий вид знаков, — символы не имеют общих отношений с объектом в пространственно-временном (как у индексов) плане или в сходстве (как у иконических знаков). Символ выполняет свою функцию не в силу наличия сходства или фактических связей, а в силу того, что он интерпретируется как знак. Действие символа основано на установленной по соглашению смежности означающего и означаемого. При отсутствии знания этого конвенционального правила символ утрачивает свою знаковую функцию. Наиболее характерный символ — это словесный знак, определяющийся через примеры его употребления. В случае символа наиболее акцентирован договорной аспект употребления знака.

Пирс стремится связать члены второй трихотомии в некоторое целостное отношение, указывая, что символ может включать в себя и индексы, и иконические знаки, а с другой стороны, он заявляет, что практически

невозможно привести пример чистого индекса или любого знака, лишенного свойств индекса. Даже такой, казалось бы, элементарный индекс, как указание пальцем на предмет, имеет неодинаковое значение в различных культурах: южноафриканцы, например, налагают этим действием проклятие на указываемый предмет, т.е. индекс переходит в разряд символов. Таким образом, наличие трех типов знаков основано лишь на различиях в относительной иерархии.

Анализируя ту часть текстов Пирса, которая посвящена исследованию природы предложения, автор обращает внимание на одну из сложнейших проблем, входящих в сферу исследования логической семиотики, - вопрос об истинности предложений, репрезентирующих факт существования или несуществования. Показана имплицитная общность взглядов Пирса и Витгенштейна по данной проблематике: она состоит в том, что оба мыслителя разводят проблемы смысла и понимания, с одной стороны, и проблему истинности с другой, т.к. при логически корректно сконструированном высказывании можно поставить слова в соответствии понятиям, но нельзя предполагать, что предложениям языка поставлены в соответствии факты. Смысл предложений зависит не только от логической формы, но и от внеязыковых предметов, интегрированных в значение слова.

Показано, что у Пирса, стремящегося избежать какого бы ни было "психологизма" в трактовке семиотических явлений, уже просматриваются следы иного взгляда на соотношение между анализом языковых форм и анализом психологического контекста, в котором эти формы функционируют. Несмотря на то, что он рассматривает знаки преимущественно в одном измерении — системном, игнорируя социальное, у Пирса есть основы того, что станет одним из основных компонентов в семиотике наших дней - экстралингвистическая составляющая. Показано, что создание Пирсом формального аппарата семиотики, пригодного для исследования коммуникации и психики живых существ, выявление свойств знаков и структуры мысли, скрытой за внешней формой языка, выводит семиотику на новый уровень.

Второй параграф "Семиотика Ч.Морриса: интересубъективность знака" посвящен экспликации взглядов последователя Ч.С. Пирса - Ч.В. Морриса, сделавшего радикальную попытку использовать достижения семиотики для исследования бинарных отношений "знак/интерпретатор". Отмечается, что исследования Морриса во многом впитали в себя атмосферу 30-х годов - времени интенсивного развития неопозитивизма. Создание семиотики виделось ему как ключ к решению основной задачи неопозитивизма - подведение единое семиотической базы для всех частных наук (физики, психологии, математики).

С момента выхода в 1938 году работы Морриса "Основания семиотики" принято различать три измерения языка или науки о знаках: синтаксис, семантику, прагматику. Отмечается, что сам Моррис видел определенные исторические связи своей трехмерной семиотики и средневекового тривиума,

включавшего логику, грамматику и риторику, где риторика видится Моррису предшественницей прагматики. Ведущей стороной в прагматике Морриса оставалось ее философское наполнение: ее предмет составляет отношение лингвистической и нелингвистической реальности, отношение языка и сознания.

Семантическое, синтаксическое и прагматическое измерение приложимо к процессу, названному Моррисом "семиозис". Это процесс, в котором "нечто функционирует как знак". Семиозис включает три (четыре) фактора: то, что выступает как знак (знаконоситель); то, на что указывает знак (десигнат); воздействие, превращающее нечто в знак для его интерпретатора (интерпретанта), а в качестве четвертого фактора выступает сам интерпретатор. Позднее Моррис вводит и пятый фактор - контекст, в котором встречается знак. Семиозис можно представить как "опосредованное учтывание", где посредниками выступают знаковые средства, действующие лица процесса - интерпретаторы, а то, что учитывается - десигнаты. Моррис подчеркивает, что термины "знак", "десигнат", "интерпретатор" подразумевают друг друга, поскольку это просто способы указания на процессы семиозиса, а не свойства, присущие определенному роду объектов. Показано, что разделение знаков на принадлежащие метаязыку и языку-объекту имеет особое значение для методологии. Отмечая существенные различия между знаками, имеющими определенное значение-сигнификацию, Моррис выделяет следующие виды сигнификаций:

Идентификация, напр., слова "здесь", "там", "сегодня утром". Функция знаково-идентификаторов состоит в том, чтобы сориентировать интерпретатора относительно условий среды;

Информативное обозначение, напр., "синий", "животное", "меньше". Знаки таково рода должны стимулировать интерпретатора к реакции, обуславливаемой обозначенными объективными свойствами внешнего мира;

Оценка, напр., "глупец", "незаметный", "лучше". Оценочные знаки побуждают интерпретатора к адекватному или наиболее рациональному в данной ситуации поведению;

Прескрипция, напр., глагольный императив. Прескрипция предполагает наличие коммуникативного партнера, которого она стимулирует к адекватной в данной ситуации последовательности реакций.

Как видно из приведенной классификации, все сигнификаций расположены вокруг одной оси - интерпретатора. Так, информативные знаки истинны лишь тогда, когда интерпретатор сталкивается с обобщаемыми ими свойствами в конкретном месте и в конкретное время. Предписания "работают", если идентифицируемая ситуация вызывает ожидаемое поведение.

Таким образом, в прагматическом преломлении, где доминантой являются отношения "знак/интерпретатор", структура языка - это система поведения. С точки зрения прагматики семантическое правило можно представить как поведенческий навык интерпретатора использовать знаковое средство при определенных обстоятельствах и адекватно реагировать па

использование соответствующее знаковое средство. В подобных случаях одно и то же знаковое средство функционирует как два знака: происходит раздвоение знакового средства на знак для самого субъекта и знак для интерпретатора, и их значения могут не совпадать. Для семантики языка науки это положение имеет важное следствие: предложения языка науки обозначают не "объективные", дистанцированные от субъекта факты, а факты в свете их интерпретации ученым.

В третьей главе "Антропологизация семиотики: поиск универсальных концептов" анализируются основные тенденции языковых исследований XX в. Показано, что происходит процесс переосмысления роли естественного языка как основной формы фиксации знаний о мире, равно как и источника изучения этих знаний.

В первом параграфе "Смысловые концепты как "первоэлементы" языка" показано, что с конца XX века предметное поле семиотики расширяется. Не предпринимая подробного анализа того, как преломлялись в различных философских течениях проблемы языка автор пытается обрисовать усиливающиеся тенденции к исследованию языка в его культурно-исторической детерминации. Показано, что центральной идеей именно философского характера для большинства концепций середины и конца XX в. является понимание языкового значения не как сущности, а как действия, работы человека со знаком. Семиотическое знание становится все более антропоцентричным: сохраняется интерес к измерениям сигнификации в том виде, в котором они проявляются в математике и в других науках, но все чаще происходит обращение к роли знака в религии, мифологии, морали, искусстве, то есть в том, что принадлежит человеческой культуре. Выдвигается и обосновывается тезис о том, что для исследования языка необходимо привлечение данных из области психологии, когнитологии и социологии, причем такой подход к анализу языка вовсе не подменяет решение традиционных философских проблем, а способствует правильной их постановке и рационализации философского дискурса современности.

В параграфе "А.Вежицкая: конструирование семантического метаязыка" в контексте описанных тенденций рассматривается концепция А.Вежицкой, где культурологический подход выступает как организующий принцип семиотических построений. Доказывается, что выявление Вежицкой семантических примитивов, которые универсальны для всех языков, самопонятны, легко переводимы, и используются для определения значений других слов, может служить двум актуальным задачам: 1. созданию семантического метаязыка, компонентами которого являются семантически "прозрачные" слова, переводимые на другие языки (универсальность); 2. рельефному представлению семиотических систем, т.к. перевод на семантический метаязык является основанием для сравнения систем видения и картины мира различных языков.

Может показаться, что выделение элементарных концептов сближает теорию Вежицкой с древней традицией философской рефлексии, идущей от

Платона и Аристотеля, согласно которой предполагается, что в реальной действительности существуют "первичные элементы", являющиеся наиболее простыми составными частями реальности. Именно принятие такой концепции, названной Соссюром "концепцией широкой публики", лежит в основе понимания языка как номенклатуры. Автор обосновывает положение, что семантические концепты Вежицкой не имеют с ничего общего с концепцией языка-номенклатуры, т. к. они не отсылают к конкретным предметам реальности, а отображают "психическое единство человечества" и служат средством обнаружения антропологических констант человека.

Далее в диссертации анализируется методология семантического описания с позиций подхода естественного семантического языка, принимающая следующие положения:

1. Все языки имеют общее ядро в лексическом и грамматическом плане. Как известно, лексика - достаточно зыбкая почва для поиска исчерпывающих данных и разумно говорить, что значение - это употребление. Но утверждение, что слова не имеют фиксированных значений, поскольку значения слов меняются, верно лишь до определенной степени. Если бы основной характеристикой слова была "текучесть" значения и отсутствие "подлинного" содержания, оно не было бы способно к изменениям, а, скорее, исчезало бы и заменялось другим знаком. Вежицкая постулирует наличие у знаков идентифицируемых значений, точные очертания которых могут быть установлены на эмпирической основе путем изучения сферы их употребления, и тем самым поддерживает тезис Соссюра, согласно которому невозможно выделение и разграничение языковых единиц без обращения к их значению.

2. Это общее ядро является врожденной антропологической константой. Если фундаментальные человеческие концепты являются врожденными, они не могут отличаться друг от друга в разных человеческих сообществах.

3. Общее ядро может использоваться как своего рода мини-язык для выражения самых разнообразных понятий и смыслов.

В результате работы, проведенной Вежицкой и ее коллегами, был составлен предварительный список базовых элементов, включающий субстантивы, детерминаторы, кванторы, атрибуты, ментальные предикаты и т.д.

Этот перечень не рассматривается как единственно возможный, но его очевидным достоинством является то, что все элементы, приведенные в нем, являются общепонятными и пригодными для истолкования очень большого числа разнообразных выражений таким способом, который интуитивно кажется удовлетворительным как для объяснения значения самого выражения, так и для описания различий и сходств, связывающих его с другими, смежными выражениями. Существенно, что выделенные категории относятся как к семантическому, так и к структурному плану, одновременно учитывая комбинаторику элементов и естественные семантические группы, такие как пространство, количество и время.

В параграфе "Универсальное и частное: анализ количественной детерминации" на основе концепции Вежицкой представлен авторский

анализ количественной детерминации на материале французского и русского языка. В связи с многообразием способов выражения количества рассматриваются лишь субстантивные кванторы, обозначаемые как "квантитативы". Категория количественности, выраженная в языке, интересна тем, что она часто сливается с категорией качественности. Идея количества, составляющая "костяк" значения квантитативов, сопровождается рядом других: всеобщность/невсеобщность, целостность/расчлененность, однородность/разнообразие и т.д. Квантитативы выражают соотношенность высказывания с действительностью, показывая всеобщий или частный характер данного суждения. Они являются ярким свидетельством того, что предметы, представленные словами, группируются самым различным способом соответственно капризам данного языка, и членение окружающего мира в разных языках оказывается выражено различно.

Процесс создания квантитатива интересен тем, что является следствием редукции черт или концентрации на отдельной черте объекта: Квантитативы анализируются как сложные знаки, а концепт "много/мало" как исходный знак, подлежащий под влиянием системы разнообразной трансформации.

Квантитатив, замещающий слово *мало/много* представляет собой сложный знак. Он принадлежит, с одной стороны, "явной культуре", поскольку все знающие данный язык понимают и осознают, что вновь употребленный знак *куча студентов* означает именно *много*, а не кучу из студентов. С другой стороны, новый сложный знак принадлежит к "неявной культуре", поскольку знаком здесь делается не слово *куча*, а сам факт выбора одного слова из двух.

Отбрасывание одного слова столь же важно, сколько и использование другого: в зависимости от обстоятельств создания семантических связей один и тот же объект может интерпретироваться под разным углом зрения. Изучение квантитативной лексики позволяет говорить об определенных когнитивных установках носителей французского и русского языков, например, обозначать множественность женщин и детей посредством слов, выражающих множественность животных (*стайка, пой*). Отсутствие в обоих языках специальных слов для обозначения "умеренного количества" рассматривается как свидетельство избирательности человеческого восприятия, фиксирующего прежде всего аномальные явления.

Обосновывается положение, что проведенный анализ, нацеленный на выявление как общих, так и культуроспецифичных черт определенного пласта лексики, имеет значение для адекватной билингвистической интерпретации, представляющей своего рода «перекодировку», переозначивание при переходе от одного языка к другому. Выявлено, что пренебрежение специфичными для конкретного языка коннотационными значениями слова при переводе приводит к искаженному пониманию, к потере информации или ее изменению. **В заключении** подводятся итоги проведенного исследования, формулируются его основные выводы, намечаются перспективы дальнейшего изучения рассматриваемых проблем.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Головкина Е.В. К.-О. Апель: на пути к синтезу феноменологии и аналитической философии//Современные гуманитарные исследования: Сб. научных статей М.: Изд-во научно-образовательной литературы РЭА, 2001. С. 22-32. 0,9 п.л. Статья.
2. Головкина Е.В. Семиотическая концепция Аристотеля//Гуманитарные исследования: Альманах. - Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2002. С. 60-63. 0,5 п.л. Статья.

Зюбо